

В. А. Фатеев

ДВА ЛИКА «ЦИНИЧЕСКОГО РЕАЛИСТА» В. П. БУРЕНИНА

Резюме

Статья посвящена исследованию личности и критических воззрений В. П. Буренина (1841–1926), фельетониста, сатирика и пародиста второй половины XIX и начала XX в. Отмечается, что в творческом наследии этого сатирика с репутацией бульварного и к тому же реакционного критика имеется и немалое количество серьезных критических этюдов, которые до сих пор изучены недостаточно. Начиная Буренин свою деятельность в оппозиционных изданиях, преимущественно в «Санкт-Петербургских ведомостях», уже тогда печатно декларируя свой метод «цинического реализма». Репутация циничного бульварного журналиста, не брезгующего переходом на личности, окончательно сложилась у Буренина в период сотрудничества в популярной консервативной газете «Новое время» (1875–1917), издававшейся А. С. Сувориным при активном участии Буренина. Этот период творчества отмечен существенным отходом от прежних либеральных взглядов, в результате чего творческий портрет Буренина обретает двойственные черты. Ярким примером радикального изменения воззрений Буренина стали противоположные оценки нововременским критиком творчества Н. Н. Страхова. Если в 1860-е гг. сатирик-нигилист низвергал на консервативного критика свои насмешливые фельетоны, воспринимая его как идейного противника, то в 1880-е и 1890-е гг. он активно выступал в защиту критика-почвенника, сам находясь отчасти под влиянием идеологии почвенничества и разделяя симпатии Страхова к Л. Н. Толстому. Приводятся отзывы писателей и исследователей, показывающие, что обширное творчество Буренина заслуживает более тщательного изучения с целью выявления в его разнообразном и порой контрастном творческом наследии наиболее удачных и глубоких работ, характеризующих его как талантливого литературного критика.

Ключевые слова: В. П. Буренин, Н. Н. Страхов, Л. Н. Толстой, В. В. Розанов, А. С. Суворин, «Санкт-Петербургские ведомости», «Новое время», «цинический реализм», бульварная пресса, критический очерк, почвенничество

TWO GUISES OF THE “CYNICAL REALIST” VICTOR BURENIN

Abstract

This article is devoted to the study of the personality and critical works of Victor P. Burenin (1841–1926), a journalist of the late 19th and early 20th centuries. It is stated that the legacy of this satirist with the reputation of a gutter press and reactionary journalist also contains a large number of serious critical essays, which, however, have not been adequately explored so far. Burenin began his career working for oppositional editions, mainly the *Sankt-Peterburgskie Vedomosti*, publicly declaring his method of “cynical realism”. His reputation of a cynical gutter press journalist finally took shape in the popular, more conservative newspaper *Novoye Vremya* (1875–1917), edited by Alexey Suvorin in close cooperation with Burenin. This period was marked by Burenin’s departure from liberal views, which added a different quality to his portrait as an author. The radical change of Burenin’s opinions can be vividly illustrated by his practically opposite attitude to the writings of the critic Nikolay Strakhov in the *Novoye Vremya* period. Whereas in the 1860s the nihilist satirist published sharp feuilletons against this conservative critic, in the 1880s and 1890s Burenin actively defended him. At that time he himself was partly under the influence of the Native Soil movement ideology and shared Strakhov’s sympathy for Leo Tolstoy. The article also presents opinions of some writers and researchers who suggest that Burenin’s vast creative heritage is worthy of a more thorough investigation in order to reveal his most successful and profound works that characterize him as a talented literary critic.

Keywords: Victor P. Burenin, Nikolay N. Strakhov, Leo Tolstoy, Alexey S. Suvorin, Vasily V. Rozanov, newspaper *Sankt-Peterburgskie Vedomosti*, newspaper *Novoye Vremya*, “cynical realism”, gutter press journalism, critical essay, Native Soil movement

DOI 10.31860/2712-7591-2021-4-36-58

Новременский сатирик Виктор Петрович Буренин — чрезвычайно яркая и при этом почти гротескная историческая личность. В литературном мире предреволюционной России его репутация была одной из самых скандальных. Получив за публичные насмешки и издевательства прозвище Терсит по имени язвительного персонажа поэмы Гомера «Илиада», бранящийся Буренин олицетворял собой один из тех вечных общечеловеческих типов, наподобие рефлектирующего Гамлета, мечтательного борца с ветряными мельницами Дон Кихота или искателя философского камня Фауста, которые существуют издревле в народных представлениях и никогда не переводятся.

Одиозная известность Буренина сложилась довольно рано и, что характерно, намного превосходит знакомство общества с его обширным

творческим наследием. Первое сочинение Буренина было опубликовано в «Колоколе» Герцена, а с 1862 г. он печатался в различных оппозиционных изданиях, преимущественно в газете «Санкт-Петербургские ведомости».

Буренин был при всем своем типичном радикализме необычным литератором. Своеобразие Буренина было уже в том, что каким бы отъявленным нигилистом этот сатирик ни предстал перед публикой, он не был лишь беззаботным пересмешником и вкладывал в свои фельетоны определенные, пусть и несколько странные, воспитательные идеи. При этом он не только не скрывал своего цинизма, но и в 1872 г., вдохновленный романами Золя, даже придумал свой особенный метод, который назвал «циническим реализмом». Буренин обосновал необходимость такого «цинического метода» торжеством цинизма в современном обществе и необходимостью борьбы с ним. Он писал: «Я выскажу сейчас мнение, которым рискую возмутить многих критиков не только эстетического, но даже „гражданского“ лагеря, которое с первого раза может показаться парадоксом, но которое, тем не менее, вовсе не так парадоксально в своей сущности. Я утверждаю, читатель, что искусство в его современном направлении должно стремиться и необходимо стремиться к циническому реализму, что это стремление есть новый шаг от реализма эстетического, господствовавшего до сих пор и уже совершившего свой круг» [Буренин 1872, с. 1].

Находя, что «наше время есть по преимуществу время поругания всяких „высших идей“ в политике, в философии, в морали», время поклонения грубым инстинктам и силам, торжества цинизма, Буренин опирается на трюизм, что и искусство этого времени, которое является отражением жизни, должно быть проникнуто цинизмом: «Если это искусство желает в самом деле быть серьезным, если оно хочет отражать в себе „веяния“ современной жизни, оно по необходимости должно быть циничным. Дело всё только в том, чтоб этот цинизм был не развращающего, а *отвращающего свойства*». И уточняет: «У сатиры иная цель: она желает возбудить отвращение правдивым изображением гадкого факта» [Буренин 1872, с. 1].

Таким образом, Буренин ощущал себя своего рода целителем общественной жизни, чистильщиком межличностных отношений, полезным хищником вроде санитаря леса волка, причем с самого начала выступая обычно как независимый литератор по собственному усмотрению против как псевдолибералов, так и псевдоохранителей. При этом в первое десятилетие он активно выступал на стороне революционного движения, защищая принципы освободительной демократии и обличая силы «реакции».

* * *

Особенность творческой манеры Буренина состояла в том, что хотя в ранний период он идейно принадлежал к революционно-демократическому направлению, в своей публицистической деятельности он, печатаясь преимущественно под псевдонимами из-за преследования цензуры, руководствовался не только партийными, но и собственными предпочтениями, словно потешаясь над своими жертвами, хотя и вел активную борьбу с противодействующими направлениями общественной жизни.

С начала 1860-х гг. Буренин выступал с сатирическими произведениями, обличающими идейных противников оппозиции, и к главным объектам резких нападок принадлежал почвеннический журнал «Время» братьев Достоевских. Например, установлено, что стихотворный фельетон «Ванна из „Почвы“, или Галлюцинации М. М. Достоевского. Фантастическая сцена», напечатанный в № 7 «Искры» за 1863 г., был написан Бурениным.

Но еще больше активизировался «шестидесятник» Буренин в своей сатирической борьбе с «реакцией» к концу нигилистического десятилетия, когда от «Санкт-Петербургских ведомостей», где он вел тогда журнальное обозрение под псевдонимом, изрядно претерпел еще один почвеннический журнал, «Заря», редактором которого выступал Н. Н. Страхов.

Сразу после выхода первого номера «Зари» в 1869 г. Буренин начал атаковать своими насмешливыми заметками «ретроградный» журнал, не находя в нем достоинств: и внешний вид сер, и стихи в нем плохи, и беллетристика (роман Писемского «Люди сороковых годов») не лучше. А во второй месяц своего существования, в феврале 1869 г., журнал «Заря» пережил крайне неприятные минуты: присланное в журнал и напечатанное редакцией стихотворение «Дикарка» за подписью Аф. Фета оказалось фальшивкой. Более того, эта пародия на Фета была еще и акростихом: первые буквы стихотворения составляли фразу: «ЗОРЯ КАШПИРЕВА УМИРАЕТ». Никто в содеянном не признался, но уже на следующий день после выхода журнала в «Санкт-Петербургских ведомостях» появилась издевательская статья обозревателя журналов под псевдонимом Z., под которым скрывался Буренин, по поводу «курьезного акростиха» и плохого вкуса редакции «Зари», не умеющей отличить подделку от настоящего Фета. Само собой, все предполагали, что проделка с ехидным акростихом «псевдо-Фета» была в духе Буренина, но общественное возмущение некрасивым поступком было так сильно, что автор дерзкой шутки не решился признаться в содеянном.

Буренин и дальше не оставлял журнал Страхова в покое. Он неустанно из месяца в месяц всячески высмеивал идейных противников, прибегая,

помимо прямых насмешек, к замалчиваниям и сознательным искажениям. Сатирические приемы Буренина были часто однотипными. Например, Буренин изображал, будто Н. Н. Страхов, редактор и основной критик журнала, написал искусную *пародию* на роман Толстого «Война и мир». Под видом похвалы этому якобы фельетону Буренин, приводя подлинные цитаты из известной статьи Страхова, впервые вознесшей гениальный роман Толстого на подобающую ему высоту, и перемешивая их со своими псевдообъяснениями, высмеивал претензии писателя на величие. Z. писал: «Было бы слишком долго следить в подробности за прекрасной критикой-пародией г. Страхова, и потому я отказываюсь от этого занятия. Скажу только одно: (...) он, под видом восхваления и превознесения гр. Толстого, роняет его беспрестанно во мнении читателей, этим остроумным приемом забавляясь над эстетической критикой. У г. Толстого, например, какую-то особенную роль носителя какого-то особенного русского духа играет солдатик Каратаев, чрез сообщение с коим таинственно „обновляется“ Пьер Безухий...» [Буренин 1870, с. 1]. Сатирик долго продолжал вышучивать автора, исказить содержание и мистифицировать читателя в том же вкусе и завершил едкий фельетон такими словами: «Как видят читатели, г. Страхов выдержал шутку до конца: восторженный сумбур и сумбурная восторженность достигают своего предела в его статье. Так именно пишут исключительно эстетические критики, так они должны писать. Более злая и удачная пародия едва ли возможна» [Там же, с. 2].

Подобного рода издевательств над журналом Бурениным было опубликовано немало. Но, как известно, статья Страхова о «Войне и мире», не говоря уже о самом романе, получила широкое признание, и никакой Буренин не мог помешать этому закономерному успеху и тем более опорочить сам роман. Однако Буренин и в дальнейшем продолжал писать о «Заре» в таком же полушутливом, полуиздевательском тоне, то иронизируя над серенькими по виду и тощими по содержанию книжками журнала, то жалуясь на скуку из-за тянущегося из номера в номер ученого трактата Данилевского или представляя однозными и высмеивая заявления авторов почвенного направления о «гниении Запада» и самобытности России.

В 1870 г. Страхов опубликовал в «Заре» еще одну блестящую статью, «Вздых на гробе Карамзина», в которой, защищая историка и писателя от упреков в консерватизме, он в пух и прах разделал либерального публициста А. Н. Пыпина, автора крайне сомнительного по своей тенденциозности, но весьма широко разошедшегося позже термина «официальная народность». Буренин же в своем язвительном разборе этой яркой и остроумной статьи Страхова снова использовал тот же прием, что и год назад: он сделал вид,

будто Страхов придает высокое значение Карамзину опять-таки только в шутку.

Страхов узрел в самой манере Буренина упадок современной журналистики. Он возмущался, что Буренин почти вовсе не рассуждает и не излагает ни своих, ни чужих мыслей, а только «коварствует», и предрекал, что когда-нибудь его неизбежно постигнет кара небесная. Наконец, не выдержав издевательств злого шутника из «С.-Петербургских ведомостей», Страхов ответил ему в «Заре» остроумной статьей «Новый вздох на гробе Карамзина» [Страхов, с. 231—242], с тонкой иронией развенчав те запрещенные в приличной литературе приемы высмеивания, умолчания и искажения, к которым прибегал сатирик.

Страхов отметил, что хотя на таком язвительном устройении творческого мира сатирика, конечно, сказались своеобразные полемические нравы нигилистического времени, но прежде всего они обусловлены именно особым складом его собственного природного таланта: «Для меня не может быть сомнения, что ум его от самой природы наклонен к некоторому извращению вещей и понятий. Иначе, поверьте, и быть не может. Сообразите только эти бесчисленные фальши, эти непрерывные и многолетние обезображения всяких чужих мыслей и слов, и подумайте, возможно ли это делать нарочно, умышленно, сознательно? Нет, я не верю в такую испорченность человеческой природы; ради чести г. Буренина я не думаю даже, чтобы он обладал такою силою воли, такую страшную способность насиловать самого себя. Заставьте человека правдивого лгать, человека, ясно понимающего вещи, — путать и напускать туман, человека откровенного и прямодушного — притворяться, и вы увидите, как трудно и почти невозможно это сделать. Целые годы идти против внушения своей природы — да ведь это героизм, ведь это мука и каторга. Поверьте, милостивый государь, что дела легче делаются на свете. Ложь, глупость, ябеда, всякого рода фальшь и обман зарождаются просто и естественно, без усилий и дальних расчетов. Случалось ли вам слышать хорошего лгуна? Для него ложь не только не труд, а приятнейшее дело, наслаждение, поэзия; ложью он живет и только когда лжет, чувствует себя в своей стихии» [Страхов, с. 237].

Страхов утверждал, что Буренин по-своему искренен и даже получает удовлетворение от своих искажений и глумлений: «Для меня ясно, что он производит свои искажения и умолчания с любовью, со вкусом, следуя внутреннейшему влечению своей природы; следовательно, он действует не без прямодушия, не без искренности. Одаренный большими способностями к искажению, он увлекается ими, и я уверен, он никогда сам хорошенько не может сказать, насколько он сфальшивил и насколько остался верен правде. Здесь

всё правда, и если есть некоторое преувеличение, то совсем незначительное» [Там же].

Можно было бы долго продолжать этот рассказ о нигилистических проделках шутника-обличителя из «Санкт-Петербургских ведомостей» над «Зарей», но для этого нет ни места, ни особого интереса, тем более что Страхов фельетониста больше своими ответами не удостаивал.

Надо признать, что фельетоны и пародии Буренина при всей примитивности и грубости приемов были довольно бойкими, читались легко и пользовались успехом у определенной публики. Буренин *кусал* больно, и поэтому широкое хождение имела, например, остроумная эпиграмма Д. Д. Минаева о собаке на Невском, которая опасается, как бы ее не укусил Буренин.

Хотя сатирические опусы Буренина и не воспринимали как высокую литературу, а справедливо относили к бульварной журналистике, благодаря безжалостному методу «цинического реализма» он часто обличал реальные недостатки и пороки общества и отдельных личностей, порой не взирая на идейное направление и социальное положение своих жертв, и у него рано начала складываться репутация неприятного, но значительного писателя.

* * *

После длительной полемики с известным либералом Н. К. Михайловским в 1872 г. Буренин разорвал с «Отечественными записками», а вскоре его перестали печатать и в «Санкт-Петербургских ведомостях».

В 1875 г. Буренин получил от А. С. Суворина приглашение печататься в «Новом времени», и он сотрудничал в этой влиятельной газете до ее закрытия после революции 1917 г.

Историки литературы справедливо отмечают, что Суворин с Бурениным произвели в русской журналистике настоящую жанровую революцию. Они начали ее еще в пору сотрудничества в «Санкт-Петербургских ведомостях», но успешно осуществили именно в «Новом времени», завоевавшем при Суворине и Буренине чрезвычайную популярность. Фельетон стал в газете основной литературной формой, главной приманкой для неприятязательных читателей. Потакая обывательским вкусам, «Новое время» не являлось ни казенным, ни оппозиционным изданием и импонировало читателям своей независимостью. Самостоятельность мышления, ставшая отличительной чертой «Нового времени» и основной причиной успеха, состояла в том, что, отказавшись от прямого морализаторства, газета при демонстративной обывательщине и внешнем соглашательстве (отсюда «чего изволите?») предлагала чрезвычайно богатый и разнообразный литературный материал на разные вкусы читателей — от самых грубых фельетонов для мещан до

утонченных философских бесед для интеллектуалов. «Новое время» позволяло себе критиковать или вышучивать неугодных ему представителей как либеральных, так и консервативных кругов. Острые фельетоны и рецензии Буренина составляли в газете если и не слишком изысканное блюдо, то, несомненно, острую приправу.

Эта газета была явно консервативнее «Санкт-Петербургских ведомостей», хотя Буренин и в ней по-прежнему казнил и миловал по собственному усмотрению. Внешне его творческие принципы не слишком изменились. Он всё так же азартно глумился над своими жертвами, часто далеко не невинными. Но теперь в число объектов его беспощадного глумления все чаще стали попадать представители либерализма.

Буренин отнюдь не оставил свой метод «цинического реализма», и более того, 8 декабря 1878 г., через три года работы в газете «Новое время», «освежил» некоторые его «кусательные» тезисы: «Я с тех пор, как вступил на поприще литературы, поставил себе целью, по мере моего умения и моих сил и способностей, преследовать и изобличать всякую общественную и литературную фальшь и ложь, и в особенности фальшь и ложь, которые топорщатся и лезут на пьедестал, которые прикрываются павлиньими перьями псевдолиберализма или псевдоохранительства, псевдокосмополитизма; которые, будучи, в сущности, поверхностным легкомыслием и фиглярством, силятся изобразить из себя нечто глубокое и серьезное...» [Буренин 1878, с. 2].

Но заметно и существенное изменение: усиливается антилиберальная направленность его фельетонов, хотя и охранительство в крайних формах не перестает быть ему враждебным.

Буренина воспринимали как бранчливого, равнодушного к литературе и глумящегося над высокими идеями циника. Известно, что Буренин был убежденным атеистом и не упускал случая обличить лживость «церковников» и посмеяться над возвышенными идеями. Однако в собственном «циническом реализме» Буренин усматривал своего рода духовную миссию: «Отрицание и изобличение, смех, само собой, должны преобладать надо всем, когда избираешь для себя такую роль в журналистике. Нельзя требовать примиряющего и елейного тона от того, кто решился принять на себя эту тяжелую роль. А роль эта действительно нелегка: надо быть человеком не от мира сего» [Буренин 1878, с. 2].

* * *

После перехода в «Новое время» в творческом репертуаре Буренина остались все те разнообразные развлекательные и сатирические жанры,

в которых он преуспевал с самого начала участия в литературном процессе. Тем не менее со временем вся влиятельная оппозиционная рать, возмущенная его обличениями, ополчилась на Буренина. Дело в том, что относительно незаметно за чередой подобных развлекательно-обличительных произведений к концу 1870-х гг. с Бурениным произошла очень существенная внутренняя метаморфоза: в «Новом времени» он окончательно перешел на консервативную сторону. Нет, он, как и раньше, мог разбранить любого, даже крупного чиновника или консервативного автора, если видел в своей жертве такие очевидные отрицательные качества, как тщеславие, хвастовство, лицемерие, пустые претензии. Но всё же он стал особенно часто высмеивать именно либералов и революционеров. Проследить этот процесс идейных изменений в подробностях — дело будущего, так как объем практически не изученного газетного творческого наследия Буренина невероятно велик.

В либеральной прессе широко освещались исключительно безобразные проступки Буренина: шокирующие нападки на известных личностей — например, на поэта С. Я. Надсона, первого доктора медицины В. А. Рудневу-Кашеварову или критика А. Л. Волынского-Флексера. Либеральные публицисты вроде М. М. Стасюлевича не раз подавали на него в суд, а на рубеже веков он особенно отличался злым высмеиванием ненавистных ему литературных модернистов и декадентов всех мастей. Всё это вместе создало Буренину соответствующую репутацию, и он действительно часто нарушал в своих выступлениях правила общественного приличия.

* * *

Именно по этой причине к творческому наследию Буренина долгое время относились весьма пренебрежительно, и только в 2010-е гг. началось систематическое изучение лучшего в его публицистике. Историки литературы, надо сказать, давно стали обращать внимание на то, что среди критических работ Буренина попадаются очень неглупые статьи, лишённые пресловутого «цинического реализма» и привносящие в обсуждение крупных литературных имен яркую самостоятельную нотку. Но до основательного систематического изучения его серьезных литературных выступлений дело не доходило.

Однако в последнее десятилетие защищены по крайней мере три кандидатских диссертации, посвященных литературной критике Буренина [Игнатова 2010; Лобзова 2010; Шабалина]. Следует отметить тот отрадный факт, что одна из диссертантов, И. Б. Богданова (Игнатова), опубликовала в «Новом литературном обозрении» библиографический перечень статей Буренина, напечатанных в «Новом времени» за 25 лет, с 1876 по 1900 г. [Игнатова 2012; 2013]. Хотя библиография охватывает менее половины всего твор-

ческого периода писателя, она позволяет ориентироваться в значительной части его обширного наследия. Только в этом перечне зафиксировано около 700 публикаций.

Исследователи критического творчества Буренина обратили внимание прежде всего на две книги, опубликованные в издательстве А. С. Суворина и доступные в Интернете: «Литературная деятельность Тургенева. Критический этюд» (1884) и «Критические этюды» (1888).

Совершенно очевидно, что в этих книгах по сравнению с фельетонами, пародиями и другими сатирическими эскападами перед нами предстает совсем другой «лик» Буренина — взгляд зоркого, вдумчивого и, как это ни удивительно, серьезного критика.

Этот «лик» не был очевиден всем, и в имеющихся отзывах современников «другой» Буренин отразился не в полной мере. Поразительно, например, что чуть ли не все, кто писал о нем, — Лесков, Страхов, Писемский, Толстой, Короленко — отмечают, что Буренин всё время «дерется», нападает, в то время как в критических этюдах, включенных в эти его сборники, он сосредоточен именно на защите классических писателей. Очевидно, что Буренин в упомянутых книгах выступает уже не насмешничающим нигилистом, а представителем консервативной литературной критики.

Эти книги состоят из очерков (он предпочитает называть их «критическими этюдами»), посвященных классикам отечественной литературы. Критик, когда-то щеголявший своим нигилистическим радикализмом, выступает здесь против оппозиционной и либеральной журналистики, защищая таких больших писателей, как Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Достоевский, Толстой, от нападков оппозиционной критики, требовавшей от больших писателей усиления социальных мотивов.

Можно сказать, что в 1880-е гг. Буренин из лагеря застрельщиков воинствующего радикализма окончательно перешел в более серьезный ряд критиков умеренно-консервативного направления. Хотя он никогда не прекращал писать развлекательные и обличительные фельетоны, сатиры и пародии, типа сочинений графа Алексиса Жасминова, по этим книгам критических этюдов можно сделать вывод, что с годами в его литературных рецензиях и разборах, регулярно помещаемых в «Новом времени», набралось немало серьезных и глубоких сочинений, позволяющих отнести его к вдумчивым, самостоятельным аналитикам литературы.

В книге, посвященной Тургеневу (этот обширный «критический этюд» первоначально тоже печатался в «Новом времени»), обращает на себя внимание тот очевидный факт, что Буренин не раз ссылается на суждения Ап. А. Григорьева и Н. Н. Стрхова как авторитетных личностей в области

литературной критики. То упоминается «хищный тип», то уже прямо идет отсылка к «глубоким и совершенно справедливым замечаниям Аполлона Григорьева» [Буренин 1884, с. 27].

Имена почвенников Григорьева и Страхова появляются в критике Буренина, конечно, не случайно. Почти в самом начале критического этюда читатель наталкивается на следующие многозначительные слова: «Такие натуры, представляющие удивительное соединение противоположных элементов, вырабатываются только на родной почве, „так печет только русская печь“, как говаривал Погодин. Западная жизнь по своей законченности, по своей определенности и узости, по резкости и, если можно так выразиться, специализированности своих влияний не в состоянии вырабатывать ни такой разносторонности и ширины, ни такой простоты, ни такой общности таланта и ума» [Буренин 1884, с. 2].

Надо отдать должное исследовательнице С. Л. Лобзовой из Харькова, которая в статье «Историко-литературная концепция В. П. Буренина и идеология почвенничества» в 2012 г. достаточно убедительно, хотя и на относительно небольшом материале, доказывает, что в поздний период своего творчества Буренин усвоил почвеннические принципы от Ап. А. Григорьева и Н. Н. Страхова. Эти выводы о связях Буренина с почвеннической традицией чрезвычайно важны для истории русской литературы, так как позволяют трактовать почвенническое направление более широко, но они требуют проработки на более обширном материале.

Показательным в отношении интереса Буренина к почвенничеству материалом в книге «Критические этюды» (1888) является большая статья «Биография и письма Достоевского», написанная в январе 1884 г. и содержащая разбор первого тома собрания сочинений Ф. М. Достоевского, который состоит из биографических воспоминаний Н. Страхова и О. Миллера о Достоевском и писем писателя. Буренин дает в этой своей статье энергичный отпор либеральным критикам — публицисту «Вестника Европы» К. Арсеньеву и автору «Отечественных записок» г. Постороннему (за псевдонимом скрывается Н. К. Михайловский), которым не нравится личность самого Достоевского и «консервативное» содержание тома. Буренин защищает выдающегося писателя от нападок либеральных критиков и разделяет позицию Страхова.

Среди прочего он пишет: «Г. Арсеньеву, например, кажется странным мнение покойного (Достоевского. — В. Ф.) о г. Страхове: „говорю вам и предрекаю, что вы непременно должны найти горячих приверженцев, и не мало. Уже одно то, что вы исповедуете истину!“ — Помилуйте, как же можно допустить, чтобы Страхов нашел многочисленных приверженцев, как можно

допустить критическое мнение, что он говорит истину! (...) А Страхов, Страхов — ну как можно думать, что Страхов имеет большое значение в нашей литературе, что он должен найти горячих приверженцев, что его пером руководила истина! Страхов ведь, кажется, совсем не либерал даже, и отнюдь не доктринер. И, однако, Достоевский-то, коли разобрать хорошенько, вовсе не по пристрастию и не по „странности“ придавал большое значение этому критику: ведь, действительно, в сравнении с глубокими критическими этюдами г. Страхова о Толстом и Тургеневе критические упражнения, например, гг. Арсеньевых и Посторонних, по справедливости говоря, бойкие глубоко школьнические статейки — не более» [Буренин 1888а, с. 142–143].

И далее Буренин делает важное обобщение о значении творчества Страхова: «В нашей журналистике г. Страхов представляет явление совершенно особенное, не подходящее под привычные шаблоны, под низкий уровень ее фельетонного развития: это действительно философский ум; в его статьях действительно слышится философия, честность и искренность убеждений; он всегда говорит свое слово, а не болтает с чужого голоса, принаравливаясь к такому или иному настроению. Именно оттого-то он и не имел никогда журнального успеха, именно потому его не ценила так называемая публика, то есть уличная толпа, для которой преимущественно работают наши борзописцы, вот уже чуть не четверть века, поступаясь добросовестностью с каждым выходом журнальной книги. Но зато чем меньше Страхов пользовался успехом среди уличной толпы, тем более его ценили такие крупные и оригинальные таланты, каким был Достоевский, например...» [Буренин 1888а, с. 143–144].

Здесь будет уместно отметить, что и сам Ф. М. Достоевский в последние годы своей жизни с растущим уважением относился к Буренину как критику. Он, например, писал А. С. Суворину 14 января 1880 г.: «Известие о Буренине, уехавшем на Волгу, мне тоже не нравится: я ждал, не напишет ли он чего-нибудь о моем последнем отрывке „Карамазовых“, ибо мнением его дорожу» [Достоевский, т. 30, кн. 1, с. 155].

Остановимся еще кратко на некоторых взятых непосредственно из газеты положительных отзывах Буренина о сочинениях Страхова 1890-х гг., которые так контрастируют с его более ранними отзывами.

К числу наиболее важных мировоззренческих статей Буренина о Страхове относится его рецензия на книгу «Из истории литературного нигилизма» (1890), в которой Буренин полностью отказывается от собственных юношеских революционных увлечений и нападок на консервативного мыслителя и редактора. Страхов в свое время заявлял, что на его могиле следует написать: «Один из трезвых между угорелыми» (или, в другом варианте,

«между пьяными»). Буренин тоже вспомнил в 1890 г. о временах массового нигилистического увлечения революционным прогрессом в терминах опьянения, вероятно, не без ассоциации с подобными высказываниями Страхова. Буренин писал: «...на приверженцев того журнального нигилизма, против которого ратовал в своих статьях почтенный автор, его писания свое- временно производили впечатление отнюдь не серьезное. Я сам в те давние годы состоял в рядах упомянутых приверженцев, и подобное впечатление вызывали во мне тогда самые заветные мысли г. Страхова. Мне, как и многим другим юношам того времени, казался забавным этот курьезный мыслитель, носивший курьезное имя *Косицы* (таков был псевдоним г. Страхова) и пытавшийся полемизировать против героев времени, какими представлялись нам не только Чернышевский, Добролюбов, Щедрин, но даже и такие сравнительно неважные дарования „Современника“, как гг. Елисейев, Антонович. К несерьезному впечатлению от писаний Косицы, разумеется, примешивалось и некоторое негодование за его дерзость: он осмеливался спорить с великими авторитетами журналистики...» [Буренин 1890, с. 1].

Страхову об этом прозрении одного из своих самых настойчивых идейных противников читать было, надо полагать, отрадно. Без этого признания, как и без покаянных исповедей Ю. Н. Говорухи-Отрока и Л. А. Тихомирова, история нигилистического движения 1860-х гг. была бы неполной.

Нечего и говорить, что мнения Буренина о творчестве Страхова в этот период радикально изменились: «Статьи эти — говорю смело и откровенно — без всякого сомнения должны быть отнесены к наиболее серьезным критическим и полемическим писаниям шестидесятых годов» [Буренин 1890, с. 1].

В то же время Буренин признает, что Страхов был слишком далек в своей консервативной трезвости от молодежи того времени. Он даже позволяет себе как бы отнести часть вины на слишком серьезный тон статей борца с нигилизмом, и метафора противопоставления трезвости Страхова и опьянения молодежи оказывается здесь очень уместной: «Трезвость тона, которую умел сохранить уважаемый публицист и философ в то горячее время, может даже быть поставлена ему в упрек: благодаря этой трезвости его писания своевременно не имели того успеха, какой они должны бы были иметь по своей правдивости. Точно так же, только наоборот, тон пьяного оживления поборников мнимо-радикального прогресса своевременно был некоторым великим достоинством: он содействовал яркости и действительности впечатления их писаний. Ведь нужно помнить, что тогда значительное большинство нашего так называемого образованного общества нахо-

дилось — если такое выражение покажется дозволенным — в легком, а иногда и в порядочном идейном подпитии. Стало быть, для воздействия на это большинство следовало говорить с ним именно в пьяном, а не трезвом тоне. Попробуйте в пьяной компании говорить здраво и трезво: вас не поймут, ваша речь покажется смешной, даже нелепой. Но болтать с пьяными пьяным языком: все останутся довольными и поползут к вам даже целоваться» [Буренин 1890, с. 1].

Этим своим заключением Буренин еще сильнее подчеркивает драму Страхова, главной бедой которого, как считал Розанов, было то, что он со своей трезвостью и пониманием сути вещей родился так не ко времени.

* * *

В 1895 г. Буренин в рубрике «Приятельские разговоры» еще раз полужитительно отозвался о Страхове в связи с размышлениями о рассказе Толстого «Хозяин и работник», вышедшем одновременно с 3-м изданием книги Страхова «Критические статьи о Тургеневе и Толстом» (1895). Отклонившись от намеченной темы, Буренин с симпатией написал о книге Страхова, подчеркивая важнейшую роль критика в высокой ранней оценке Толстого:

«В этой книге вы найдете такую глубокую и верную оценку гения г. Толстого и его „Войны и мира“, какой, конечно, не встретите у „заграничных“ критиков, ознакомившихся с Толстым и писавших о нем гораздо позже. Г. Страхов по всей справедливости может гордиться, что он первый признал и истолковал „великого писателя земли Русской“! Эта оценка гр. Толстого, говоря без преувеличения, до сих пор остается лучшею, наиболее глубокою, полною, ясною и справедливою в нашей критике, и в иностранной, в которой о Толстом впоследствии высказали много интересных и своеобразных мнений. (...) Можно смело сказать, что подобно тому, как Магомет был пророком Аллаха, и Страхов был пророком Толстого и что в этом смысле ему принадлежит первое место между нашими и иностранными критиками» [Буренин 1895, с. 2].

Буренин, как и Страхов, преклонялся перед творчеством Л. Н. Толстого и много писал о нем. 18 июля 1886 г. Буренин в статье «Журнальный поход против гр. Л. Н. Толстого», включенной в его книгу «Критические этюды» (1888), в очередной раз ссылается на Страхова как на авторитетного специалиста, выступая в защиту Толстого от обвинений «господ педантов» в том, что писатель не кончил университета и будто бы является недостаточно образованным человеком. Буренин решительно не согласен с этим и апеллирует к учености Страхова. Приведа мнение Страхова об огромных

способностях и знаниях Толстого, так характеризует самого Страхова: «Вот что об этом говорит один из настоящих „ученых“ русских людей, один из настоящих русских мыслителей Н. Н. Страхов» [Буренин 1888а, с. 166]. Буренин добавляет к доводам Страхова его высокую оценку: «Так судят о знаниях и научном образовании люди, которых серьезность и компетентность в этом деле не может быть заподозрена» [Там же, с. 167]. В этой статье Буренин выступает самостоятельным критиком: он защищает графа Толстого от подозрений «Вестника Европы» в предосудительном «отступничестве от прогресса» в его «Исповеди». Но «Исповедь» не нравилась не только либералам и радикалам оппозиции, но и консервативным публицистам. Буренин, отмечая, что в критике взглядов великого писателя сошлись представители самых разных направлений, без пощады громит их всех: досталось и quasi-радикалу Михайловскому, и псевдолибералу Градовскому, и «благовестителю прогресса» из «Вестника Европы», но также и «правоверно-семинарскому патриоту» Гилярову-Платонову, который не посовестился назвать Толстого Корейшей, то есть сумасшедшим. Решительно отбивается Буренин и от влиятельного издателя «Гражданина» князя В. П. Мещерского, которого он называет в духе своего метода «цинического реализма» «клоуном ультраконсерватизма на подкладке самого лицемерного ханжества». В этом фельетоне Буренин скорее подтверждает свою репутацию «ругателя», чем объективного, толкового критика. Ближе всего Буренину, по всей видимости, позиция Страхова, который, не соглашаясь с великим писателем в частности, с уважением относился к его нравственной позиции.

Противоречивые поздние взгляды Толстого, как известно, вызывали очень серьезные споры, и среди тех, кто оставался на стороне писателя до конца, были Страхов и Буренин.

В связи с этими немаловажными спорами по поводу воззрений Толстого будет, думается, не лишним привести фрагмент переписки 1893 г. двух тяготивших тогда к толстовству писателей, М. О. Меньшикова и Н. С. Лескова, в котором удивительным образом оказался отмеченным этот «толстовский союз» Страхова и Буренина.

Лесков 8 ноября 1893 г. писал Меньшикову по поводу его статьи «Пределы критики», посвященной апологии религиозно-философских взглядов Толстого («Книжки Недели», 1893, № 9): «Статья превосходная во всех отношениях, но всего более она мила мне своим человеколюбивым тоном. Лучшего изъяснителя Л. Н. не мог бы и выдумать; но Стр(ахов) и Б(уренин) (по моему мнению) упомянуты напрасно, — особенно Б(уренин). Оба они чувствуют к нему какой-то „фавор“, но они оба не разделяют его симпатий

и отменно служат тому, что стоит вопреки дороги его желаниям»¹. Таким образом, Лесков не только Буренина, но и Страхова категорически не считает единомышленником Толстого.

Через два дня Лесков в новом письме настойчиво продолжает ту же мысль, отвергая Страхова и Буренина как защитников Толстого, и ревностно выставляет вперед себя в качестве самого верного сторонника идей писателя. При этом он дает еще более выразительные характеристики симпатизирующим Толстому критикам Страхову и Буренину:

«Статья мне всё больше нравится, но поминанье всё больше не нравится. Не тех надо было поминать, которые его *похваляют*. Его хвалить не нужно, а нужно вести с ним одну и ту же „работу совести“. Ни Стр(ахов), ни Б(урени)н этого не делают: Стр(ахов) и православист, и гегелианец, и государственный, и воитель, и патриот, и националист, и наказатель. Он Т(олстог)о хвалит за пригожество и остроумие, но он не утверждает людей в том, чтобы прозирать важнейшее за важным, и не объединяет сознание в единой „воле Отца“. Следовательно, он Т(олсто)му не брат и не сотрудник в важнейшем деле. А что касается Б(урени)на, то этот употребляет Т(олсто)го „как палку на других людей“. Сам Т(олсто)й говорит: „Это ужасно. Он *мною держится*“. И это так и есть»².

* * *

Мы бегло остановились здесь лишь на некоторых критических статьях Буренина, которые имеют отношение к почвенничеству и, в частности, к Н. Н. Страхову. Это, конечно, только маленькая часть того огромного наследия Буренина, которое разбросано по многочисленным периодическим изданиям и до сих пор тщательно не изучено. Нашей целью было только показать на доступном материале, что творчество В. П. Буренина как литературного критика содержит обширный массив не охваченных пока важных материалов для изучения русской классики, которые не подпадают под категорию «цинического реализма» и литературной пошлости и не соответствуют характеристике автора как одиозной личности.

На рубеже XIX и XX столетий Буренин много внимания уделял критике нелюбимых им явлений литературно-философского модернизма и декадентства. В этих его рецензиях о новых явлениях в литературе преобладали сочинения в издевательском тоне — вспоминаются его статьи о Мережков-

¹ ОР ИРЛИ. Ф. 612. Ед. хр. 175. Л. 19.

² ОР ИРЛИ. Ф. 612. Ед. хр. 175. Л. 20.

ском, Гиппиус, Блоке, о многих других литераторах. Это всё те же остроумные, жалиющие статьи в «циническом роде», коих у Буренина много. В целом фельетонно-сатирическое творчество Буренина составляет значительную часть его наследия.

Буренин печатался очень часто. Практически каждую неделю он помещал в «Новом времени» целый подвал на злободневные, обычно связанные с литературой темы. Но при его манере вести полемику неудивительно, что многие читатели относились к нему с пренебрежением. Порядочные люди часто не снисходили до ответов Буренину. Его читали, знали, побаивались (одним из его бесчисленных прозвищ было Литературный прокурор [Пенская]), но не принимали слишком всерьез — репутация у Буренина и тогда была незавидной. Он был участником многих литературных скандалов, и скандал был одним из приемов его «цинического метода».

Незадолго до революции, в 1912 г., Буренин начал издавать свое собрание сочинений и опубликовал пять томов. Но серьезные критические статьи Буренина в эти тома собрания сочинений еще не вошли, и собрать их воедино он из-за революции не успел.

После революции Буренин, оставшийся в Петрограде, был, конечно, изгоем. Репутация изувера-насмешника, издававшегося над оппозиционными писателями, не сулила ему ничего хорошего. Измайлов писал Розанову 28 июня 1918 г.: «Недавно видел Буренина. Физически бодрый, а духовно смят. „Хочу одного — смерти“» [Измайлов, с. 488]. Подавленное состояние Буренина понятно: в новой России таким, как он, «реакционным» писателям уже не было места.

Не случайно в 1921 г. в эмигрантской газете Бориса Суворина «Новое время», нашедшей себе приют в Белграде, появился ложный некролог Буренина. Но получилось так, что на самом деле Буренин был всеми забыт и жил тихо в Петрограде (потом Ленинграде), писал даже воспоминания, перебивался кое-как, и среди тех, кто ему помогал и его подкармливал, были, как ни странно, не только Максим Горький, но и Аким Волынский, о котором он когда-то писал весьма непристойные вещи.

Скончался Виктор Петрович Буренин в Ленинграде в 1926 г. и по ходатайству сотрудников Пушкинского Дома был похоронен на кладбище Александро-Невской лавры. Долгое время о нем в советской печати упоминалось лишь в отрицательном смысле как об одном из самых одиозных литераторов ушедшей России.

Но постепенно стали слышны голоса, которые утверждали, что Буренин не был такой однозначно отрицательной личностью и что он обладал несомненным литературным талантом.

* * *

В 1990-е гг., когда специалисты и обычные читатели обрели возможность получать доступ к менее тенденциозным и запрещенным прежде источникам, стало обнаруживаться, что Буренин далеко не столь однозначная фигура в истории русской журналистики.

В 2016 г. был опубликован даже небольшой томик избранных сочинений В. П. Буренина [Буренин 2016], в которую вошли несколько десятков образцов его критических сочинений в разных жанрах, прежде всего критических этюдов, на которые мы обратили внимание в этом исследовании. Это издание статей Буренина, впрочем, прошло незамеченным, и книги нет даже в крупнейших библиотеках Петербурга. Но процесс обретения Бурениным того особого места в литературе, которого он объективно заслуживает, продолжается.

Очень сочувственная статья о Буренине как о значительном литературном явлении довольно неожиданно обнаружилась в эмигрантской книге П. Б. Струве, которого трудно отнести к радикальному консерватизму. Вот что написал Струве о Буренине: «Сейчас наступает время справедливой оценки и такого человека, как Буренин. (...) Спору нет — он бывал зол, злобен и несправедлив. Но он был даровит и умен. И в своей защите искусства против тенденциозного подгибания его под либерально-радикальные прописи Буренин был прав... Буренин мастерски владел русским языком, писал ясно, просто и сильно» [Струве, с. 297].

Для нас особенно важен окончательный вывод Петра Струве: «Вообще Буренин был настоящий писатель и, как таковой, заслуживает и изучения, и оценки» [Там же].

Близкий к «Новому времени» и журналу «Исторический вестник» публицист Б. Б. Глинский перед самой революцией, в 1914 г., выражал уверенность, что Буренин рано или поздно займет свое место в истории критики: «И нет сомнения, что с течением дальнейшего времени нам предстоит быть свидетелями любопытного историко-литературного суда над писателем: он будет общепризнан как один из самых выдающихся критиков, к отзывам которого придется часто обращаться, опираться на них как на авторитетные свидетельства, где знание предмета, понимание его, оценка и тонкий, чистый вкус, в связи с истинной любовью к своей родине, будут краеугольными камнями» [Глинский, с. 57]. Может быть, этот отзыв и несколько преувеличен, но обратить большее внимание на Буренина как незаурядного литературного критика необходимо.

Буренин вел себя совершенно независимо, и ходили даже слухи, что он не особенно считается и с самим Сувориным. В прессе широко распростра-

нялось мнение покинувшего «Новое время» Ник. Снеессарева, автора весьма тенденциозной книги «Мираж „Нового времени“. Почти роман» (1914), будто сам Суворин его «ненавидел и боялся» [Снеессарев, с. 27–28]. Однако в подобных слухах выражались скорее желания противников «Нового времени», вряд ли отражавшие реальное положение. При таких отношениях «ненависти и боязни» Суворин не стал бы сотрудничать с Бурениным так тесно на протяжении десятилетий.

Очень важно также обратить внимание на свидетельства того, что Буренин представлял собой необычный психологический тип. Большинство знавших его отмечали поразительный контраст между злыми критическими статьями Буренина и его незлобивым характером в повседневной жизни. Вернее, чем уволенный из «Нового времени» Снеессарев, характеризует его отношения с владельцем газеты собственное высказывание Суворина, который записал в «Дневнике» 12 июня 1907 г.: «„Какой Буренин — мягкий и приятный человек. Я с удовольствием говорил с ним“, — сказал мне Карпов (театральный деятель. — В. Ф.). Я ему рассказал, какой он действительно добрый человек. Злой в критике, но необыкновенно добрый и деликатный человек в жизни. Я много раз это испытал» [Суворин, с. 494].

Похожее мнение не раз высказывал и В. В. Розанов, сотрудничавший с Бурениным много лет. Специалисты по творчеству Розанова, например, обратили внимание, что он несколько раз отзывался о Буренине как о честном и даже добром человеке, несмотря на то что их личные отношения складывались не лучшим образом. Именно Бурениным была поддержана в читаемом «Новом времени» холодно принятая критиками первая книга Розанова «О понимании». Буренин увидел в философском трактате «много глубоких и новых мыслей» и советовал обратить на нее внимание профессиональным философам [Буренин 1888b, с. 2].

Розанов не без наивности уверял в письме сельского педагога С. А. Рачинского, что Буренин, грубо напавший на него за резкий тон его полемики с Вл. Соловьевым, имел на это право. Розанов, защищая критика, заявлял, что в быту этот человек совсем другой: «Бур(енин), за исключением его религиозных понятий, человек бесспорной порядочности, и не верьте никому, кто иначе о нем скажет: он смотрит только на человека, определяет себе его духовную личность, — и уже затем его возносит или ругает неистово» [Розанов 2010, с. 505]. А Страхову Розанов писал 17 марта 1895 г. в том же духе по поводу положительного отзыва Буренина: «Дорогой Николай Николаевич! Очень порадовался я за Вас, прочтя сегодняшний фельетон Буренина; да, — он добрый малый и честный писатель, т. е. говорит то, что находит справедливым и для общества нужным, вразумляющим» [Розанов 2001, с. 307].

В Буренине, как обычно и во всяком талантливом человеке, противоречиво сосуществовали и положительные, и отрицательные черты. Однако в статьях о нем, особенно в советское время, собирались, как правило, исключительно негативные слухи. Например, часто выхватывают слова из письма Суворина к Розанову, неверно их домысливая: «У нас никто литературой не занимается. Буренин ее презирает и глумится над нею» [Розанов 2006, с. 326]. Но из контекста письма ясно, что, по мнению Суворина, Буренин «глумится» именно потому, что *настоящей* литературы нет. В другом письме из этой переписки, например, Суворин одобрительно отзывается о смелых отрицательных характеристиках, данных Бурениным либеральным литераторам вроде Короленко и Михайловского: «Это говорит независимая литературная сила» [Там же, с. 297].

Вообще Суворин высказывался о Буренине совершенно свободно и далеко не всегда хвалил своего главного сотрудника. К числу тех граней таланта Буренина, которые особенно ценил владелец «Нового времени», относилось остроумие его эпиграмм: «У Буренина, кажется, целый том наберется таких надписей к портретам. Александр Чехов давно их собрал в особую тетрадку. Цела ли она у него?» [Суворин, с. 336]. Однако Суворин не склонен был огульно хвалить своего главного сотрудника. Он считал, например, что Буренин не обладает настоящим драматическим мастерством, так как слишком злоупотребляет в драме высокими эффектами: «Сегодня видел один акт из „Принцессы Грезы“. Как не стыдно слушать такую любовную белиберду, да еще из уст Яворской. Буренин для нее переделывает свою переделку из А. Мюссе, стараясь насовать всевозможных эффектов из разных пьес. Он воображает, что дело в эффектах. Вот даровитый критик, бесподобный памфлетист и удивительно бездарный драматург» [Суворин, с. 214]. Нам важно обратить внимание в последней фразе на слова Суворина «даровитый критик».

* * *

Таким образом, на основании сказанного можно сделать вывод, что фигура Буренина ассоциируется не только с литературными скандалами, хотя их было и немало в его биографии. Он проявил себя еще и как большой труженик в разнообразных жанрах, и прежде всего как интересный критик. В богатом, но практически не освоенном творческом наследии Буренина следует основательно покопаться, чтобы выявить для начала хотя бы основной корпус наиболее ценных произведений его литературной критики. Отметим, что литературный талант В. П. Буренина, по всей видимости, оценен еще не вполне всесторонне и, возможно, нас ждет еще не одно интересное открытие, раскрывающее связи его огромного творческого насле-

дия с историей всей отечественной литературы. Так, А. Рейтблат определил в годы перестройки авторство забытого романа-памфлета «Бес в столице. Литературные фантазии», опубликованного в 1872 г. под псевдонимом Иван Спиридонов. Исследователь считает, что эта книга, которую он приписывает Буренину, могла дать толчок фантазии автора культового романа «Мастер и Маргарита» [Рейтблат, с. 111–119].

Литература

- Буренин 1870 — З. [Буренин В. П.] Журналистика // Санкт-Петербургские ведомости. 1870. № 31, 31 янв. С. 1–2.
- Буренин 1872 — З. [Буренин В. П.] Журналистика // Санкт-Петербургские ведомости. 1872. № 999, 12 авг. С. 1.
- Буренин 1878 — Буренин В. П. Литературные очерки // Новое время. 1878. 8 дек. С. 2.
- Буренин 1884 — Буренин В. П. Литературная деятельность Тургенева: Критический этюд. 2-е изд. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1884. 264 с.
- Буренин 1888a — Буренин В. П. Критические этюды. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1888. 398 с.
- Буренин 1888b — Буренин В. П. Критические очерки // Новое время. 1888. № 4396, 20 мая. С. 2–3.
- Буренин 1890 — Буренин В. П. Критические очерки: Н. Страхов. Из истории литературного нигилизма: [Рец.] // Новое время. 1890. № 5294, 23 ноября. С. 1–2.
- Буренин 1895 — Буренин В. П. Критические очерки: Приятельские разговоры. Разговор по поводу «Хозяина и работника» // Новое время. 1895. № 6842, 17 марта. С. 2.
- Буренин 2016 — Буренин В. П. Публицистика и критика. М.: Совпадение, 2016. 238 с.
- Глинский — Глинский Б. Б. В. П. Буренин // Глинский Б. Б. Среди литераторов и ученых: Биографии, характеристики, некрологи, воспоминания, встречи. СПб.: Тип. Т-ва А. С. Суворина «Новое время», 1914. С. 56–101.
- Достоевский — Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
- Игнатова 2010 — Игнатова И. Б. Литературно-критическая деятельность В. П. Буренина: генезис, эволюция, критический метод: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2010.
- Игнатова 2012 — В. П. Буренин в «Новом времени» (1876–1900): (Библиографический список критических статей) / Сост. И. Б. Игнатова // Новое литературное обозрение. 2012. № 6 (118). С. 441–457.
- Игнатова 2013 — Библиографический список критических статей В. П. Буренина в газете «Новое время» (1876–1900) / Сост. И. Б. Игнатова // Новое литературное обозрение. 2013. № 1 (119). С. 389–406.
- Измайлов — Измайлов А. А. Переписка с современниками. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2017. 728 с.
- Лепехин, Рейтблат — Лепехин М. П., Рейтблат А. И. Буренин Виктор Петрович // Русские писатели, 1800–1917: Биограф. словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1989. Т. 1. С. 365–367.
- Лобзова 2010 — Лобзова С. Л. Три книги В. П. Буренина: проблематика и жанровое-стилевое своеобразие: Дис. ... канд. филол. наук. Харьков, 2010.

- Лобзова 2012 — Лобзова С. Л. Историко-литературная концепция В. П. Буренина и идеология почвенничества // Мова і культура. 2012. Вип. 15, т. 5 (159). С. 317–323.
- Пенская — Пенская Е. Н. Виктор Буренин: Литературный прокурор // Буренин В. П. Публицистика и критика. М.: Совпадение, 2016. С. 5–24.
- Рейтблат — Рейтблат А. И. Книга «Бес в столице» и ее автор: (Неизвестный роман-памфлет В. Буренина) // Вопросы литературы. 1991. № 6. С. 113–119.
- Розанов 2001 — Розанов В. В. Литературные изгнанники: Н. Н. Страхов. К. Н. Леонтьев. М.: Республика, 2001. 477 с.
- Розанов 2006 — Розанов В. В. Признаки времени: Статьи и очерки 1912 г. Письма А. С. Суворина к В. В. Розанову. Письма В. В. Розанова к А. С. Суворину. М.: Алгоритм; Республика, 2006. 430 с.
- Розанов 2010 — Розанов В. В. Листва: Уединенное. Опавшие листья: [Короб первый]. Опавшие листья: (Короб второй и последний). М.: Республика; СПб.: Росток, 2010. 591 с.
- Снессарев — Снессарев Н. В. Мираж «Нового времени»: Почти роман. СПб.: Тип. М. Пивоварского и И. А. Типографа, 1914. 135 с.
- Страхов — Страхов Н. Н. Критические статьи. Киев: Изд. И. В. Матченко, 1902. 434 с.
- Струве — Струве П. Б. В. П. Буренин и А. Л. Волынский // Струве П. Б. Дух и слово: Сб. ст. о русской и западноевропейской литературе. Париж: YMCA-Press, 1981. С. 296–300.
- Суворин — Дневник Алексея Сергеевича Суворина. London: The Garnet Press; М.: Независимая газета, 1999. 668 с.
- Шабалина — Шабалина Н. Н. Мастерство Буренина-критика: Дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2012.

References

- Burenin, V. P. (1888). *Kriticheskie etyudy*. Saint Petersburg: Tipografiya A. S. Suvorina. 398 p.
- Burenin, V. P. (1888). 'Kriticheskie ocherki', *Novoe vremya*, 4396, 20 May, 2–3.
- Burenin, V. P. (1895). 'Kriticheskie ocherki. Priyatel'skiye razgovory. Razgovor po povody "Khozyaina i rabotnika"', *Novoe vremya*, 1895. 6842, 17 March, 2.
- Burenin, V. P. (1890). 'Kriticheskie ocherki. Strakhov, N. Iz istorii literaturnogo nigilizma. Saint Petersburg, 1890. [Retsenziya]', *Novoe vremya*, 5294, 23 Nov., 1–2.
- Burenin, V. P. (1884). *Literaturnaya deyatel'nost' Turgeneva. Kriticheskii etyud*. 2nd ed. Saint Petersburg: Tipografiya A. S. Suvorina. 264 p.
- Burenin, V. P. (1878). 'Literaturnye ocherki', *Novoe vremya*, 8 Dec., 2.
- Burenin, V. P. (2016). *Publitsistika i kritika*. Moscow: Sovpadenie. 238 p.
- Dostoevskii, F. M. (1972–1990). *Polnoe sobranie sochinenii*. 30 vols. Leningrad: Nauka.
- Glinskii, B. B. (1914). 'V. P. Burenin', in: Glinskii, B. B. *Sredi literatorov i uchenykh. Biografii, karakteristiki, nekrologi, vospominaniya, vstrechi*. Saint Petersburg: Tipografiya Tovarishchestva A. S. Suvorina "Novoe vremya", 56–101.
- Ignatova, I. B., ed. (2013). 'Bibliograficheskii spisok kriticheskikh statei V. P. Burenina v gazete "Novoe Vremya" (1876–1900)', *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1 (119), 389–406.
- Ignatova, I. B., ed. (2012). 'V. P. Burenin v "Novom vremeni" (1876–1900) (Bibliograficheskii spisok kriticheskikh statei)', *Novoe literaturnoe obozrenie*, 6 (118), 441–457.
- Ignatova, I. B. (2010). *Literaturno-kriticheskaya deyatel'nost' V. P. Burenina: genesis, evolyutsiya, kriticheskii metod*. Dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk. Moscow.

- Izmailov, A. A. (2017). *Perepiska s sovremennikami*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo "Pushkinskii Dom". 728 p.
- Lepekhin, M. P., Reitblat, A. I. (1989). 'Burenin Viktor Petrovich', in: *Russkiye pisateli, 1800–1917. Biograficheskii slovar'*. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopedia. Vol. 1, 365–367.
- Lobzova, S. L. (2012). 'Istoriko-literaturnaya kontseptsiya V. P. Burenina i ideologiya pochvennichestva', *Mova i kultura*, 15, 5 (159), 317–323.
- Lobzova, S. L. (2010). *Tri knigi V. P. Burenina: problematika i zhanrovo-stilevoe svoebrazie*. Dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk. Khar'kov.
- Reitblat, A. (1991). 'Kniga "Bes v stolitse" i evo neizvestnyi avtor (Neizvestnyi roman-pamflet V. Burenina)', *Voprosy literatury*, 6, 113–119.
- Rozanov, V. V. (2010). *Listva. Uedinennoye. Opavshie list'ya. [Korob pervyi]. Opavshiy list'ya. (Korob vtoroi i poslednii)*. Moscow: Respublika; Saint Petersburg: Rostok. 591 p.
- Rozanov, V. V. (2001). *Literaturnye izgnanniki. N. N. Strakhov. K. N. Leont'ev*. Moscow: Respublika. 477 p.
- Rozanov, V. V. (2006). *Priznaki vremeni. Stat'i i ocherki 1912 goda. Pis'ma A. S. Suvorina k V. V. Rozanovu. Pis'ma V. V. Rozanova k A. S. Suvorinu*. Moscow: Algoritm; Respublika. 430 p.
- Shabalina, N. N. (2012). *Masterstvo Burenina-kritika*. Dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk. Kazan'.
- Snessarev, N. (1914). *Mirazh "Novogo vremeni". Pochti roman*. Saint Petersburg: Tipografiya M. Pivovarskogo i I. A. Tipografa. 135 p.
- Strakhov, N. N. (1902). *Kriticheskiye stat'i*. Kiev: Izdanie I. V. Matchenko. 434 p.
- Struve, P. B. (1981). 'V. P. Burenin i A. L. Volynskii', in: Struve, P. B. *Dukh i slovo: Sbornik statei po russkoi i zapadnoevropeiskoi literature*. Paris: YMCA-Press, 296–300.
- Suvorin, A. S. (1999). *Dnevnik Alekseye Sergeevicha Suvorina*. London: The Garnett Press; Moscow: Nezavisimaya Gazeta. 668 p.
- Z. [Burenin, V. P.] (1870). 'Zhurnalistika', *Sankt-Peterburgskie vedomosti*, 31, 31 Jan., 1–2.
- Z. [Burenin, V. P.] (1872). 'Zhurnalistika', *Sankt-Peterburgskie vedomosti*, 999, 12 Aug., 2.